

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1463-1472
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1463
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Materials on the Kyrgyz Land Use” as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan

Yerkin A. Abil ^{a,*}, Amanzhol Kuzembayuly ^b

^a Institute of State History, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay Regional University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The result of the statistical and economic survey of Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries was the publication of “Materials on the kyrgyz land use”. This multi-volume publication contains, in addition to the statistical information itself, records of historical legends of the Kazakhs about the time of their settlement in certain territories. These legends can be used to reconstruct the traditional historical memory of the Kazakhs.

The historical legends of the Kazakhs, recorded by the authors of the “Materials”, correlate with the legends recorded in the works of other researchers and speak of the early settlement of some of the Kazakh communities of the territory of Northern Kazakhstan - from the 14th to the 16th centuries. At the same time, these historical legends contradict some of the written sources, which speak of the appearance of the Kazakhs on the borders of the Russian possessions in Western Siberia not earlier than the late 17th century.

This contradiction is resolvable if one takes into account that the Northern Kazakh communities which declared their autochthonous origin, in the 15th – 16th centuries were not part of the Kazakh Khanate, and consequently did not appear in the sources under the polytonym “Kazak”. They appeared under other collective names – “Nogai”, “Siberian Tatars”, etc. and became part of the “Kazakhs” during the 17th century.

“Materials” is an important and informative source not only on the socio-economic history of Kazakh society at the turn of the 19th – 20th centuries, but also contains interesting data on the traditional historical memory of the Kazakhs, allowing us to create models of ethnic and political history of steppe Eurasia in the 15th – 19th centuries.

Keywords: statistical expeditions, historical memory, legends, Northern Kazakhstan, ethnic history, genealogies.

1. Введение

Традиционная историческая память казахов, отраженная в исторических преданиях, вызывает особый интерес у исследователей истории Центральной Азии. В условиях дефицита письменных источников роль устных нарративов возрастает, что привело даже к попытке ввести по отношению к центральноазиатским реалиям понятие «устной историологии» (Рахимбекова, 2019: 176-177). В качестве одного из важных видов источников по истории казахов устные предания рассматриваются казахстанскими исследователями (Алпысбес, 2013). Вместе с тем устные нарративы, безусловно обладая определенной спецификой, тем не менее не являются самостоятельным видом источников, так как приобретают свойства исторического источника только в процессе их письменной или какой-либо иной (видео-, аудио-) фиксации.

Тем не менее исторические предания казахов – практически единственный источник, по которому мы можем реконструировать традиционную историческую память, традиционные репрезентации собственной истории, ее ключевых моментов, отраженные в массовом сознании.

* Corresponding author

E-mail addresses: yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), topai240345@mail.ru (A. Kuzembayuly)

Специфика казахской исторической памяти заключается в господстве двух видов исторических преданий – генеалогических и топонимических, причем зачастую они тесно переплетены. Это вызвано особенностями социальной структуры казахского общества, в котором иерархия хозяйственных общин и потестарных групп выстроена в соответствие с генеалогическим родством, реальным или вымышленным. Соответственно место каждого индивида и группы в этой иерархии зависело от места в системе генеалогического родства, что легитимизировалось через генеалогические предания. Повышение или понижение реального статуса группы в иерархии вело к пересмотру генеалогий и возникновению нового предания. Именно поэтому предания, фиксировавшиеся в разное время и в разных географических точках казахских степей, могут отличаться друг от друга.

Большая часть исторических преданий казахов записана историками и востоковедами во второй половине XIX – начале XX веков, однако есть целый пласт документов, в которых специальная цель письменной фиксации устного наследия казахов не ставилась, поэтому они оказались вне внимания ученых, изучающих традиционное историческое сознание казахов. К их числу относятся «Материалы по киргизскому землепользованию» (далее в тексте – «Материалы») – результаты работы статистико-экономических экспедиций по обследованию казахских хозяйств Степного края и Туркестана в конце XIX – начале XX веков.

Особую ценность данным сведениям придает тот факт, что при проведении обследования участники экспедиции изучали и историю заселения обследуемой местности со слов самих казахов, «по устным преданиям самих обитателей края» (МКЗ, 1909: 87). Таким образом, в этот статистический труд попали реминисценции исторической памяти казахов, отражение их представлений о собственном прошлом, что дает нам возможность использовать «Материалы» как источник по реконструкции исторической памяти.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической базой данного исследования стали сведения, содержащиеся в опубликованных в 1898–1915 годах «Материалах по киргизскому землепользованию». Данное многотомное издание стало результатом систематического статистического обследования территории Казахстана, проведенного несколькими специализированными экспедициями по поручению правительства Российской империи.

Систематическое изучение казахского землепользования связано с деятельностью экспедиции по статистическому обследованию уездов Степного генерал-губернаторства под руководством Ф. Щербины. Основной целью данной экспедиции, организованной Министерством земледелия и государственных имуществ, было установление норм казахского землепользования, регулирования потока переселенцев и создания земельного фонда под их размещение (Тесленок, 2013: 48). Экспедицией были обследованы пять уездов (Акмолинский, Петропавловский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский) Акмолинской области, пять уездов (Семипалатинский, Павлодарский, Зайсанский, Аягуский, Усть-Каменогорский) Семипалатинской области и два (Кустанайский и Актюбинский) Тургайской области (Волкова, 1983: 235). Было произведено первое сплошное статистическое обследование значительной территории современного Казахстана в пятилетний период с 1896 по 1903 гг.

Данные исследования были продолжены в 1903–1912 гг. статистической экспедицией П.А. Хворостанского по изучению Уральской и Тургайской областей. В 1906–1913 гг. экспедиции исследовали Сырдарьинскую (под управлением П.А. Скрыплева) и Семиреченскую области (под управлением П.П. Румянцева).

«Материалы» не раз привлекались в качестве источника, но преимущественно при анализе социально-экономических процессов, протекавших на территории Казахстана и в связи с изучением истории колонизации Степного края. Однако специфика этого источника в том, что при составлении опросной анкеты особое внимание было уделено истории формирования каждого хозяйственного аула или старшинства (Тасилова, 2017). Характеризуя хозяйственные аулы, авторы отмечали естественный процесс их возникновения вследствие распада родовых групп под влиянием демографических факторов (МКЗ, 1903: 4-5).

В «Программу для описания общих условий киргизского хозяйства», в частности в вопросник для проведения исследования, были включены вопросы, призванные «выяснить, какое значение имело родовое начало на образование и распределение зимовок (кстау), нет ли преданий по этому предмету», благодаря чему в итоговые публикации вошло большое количество сведений устной исторической памяти, исторических преданий казахов (МКЗ, 1898: 18).

Для анализа были использованы опубликованные «Материалы» по Кокчетавскому, Петропавловскому, Акмолинскому, Атбасарскому, Омскому уездам Акмолинской области и Кустанайскому уезду Тургайской области, территории которых относятся к историко-культурной области Северного Казахстана.

2.2. «Материалы» в качестве исторического источника рассматриваются прежде всего как носитель социальной информации. Это означает, что их создатели ставили перед собой вполне определенные прагматические цели – фиксацию коллективных представлений казахов о времени их

заселения на определенных территориях, имея в виду более общую цель – выявления «излишков» земель в пользовании казахских общин. Причем сама методика составления «Материалов», когда первичные данные, собранные исследователями при опросе населения, значительно перерабатывались и редактировались для публикации, позволяет говорить о неоднократной субъективности содержащихся в них сведений. Субъективно отражались исторические события в рассказе информаторов, неизбежно искажалась эта информация при переводе/записи, субъективно отбирались и редактировались записи при подготовке к публикации. Мы видим не два звена в передаче информации – информатор/фиксатор, а как минимум три – информатор/фиксатор/интерпретатор, а зачастую четыре – информатор/переводчик/фиксатор/интерпретатор.

Тем не менее эти сведения отражали объективную реальность – историческую память народа, реконструировать которую можно при помощи структурного анализа текста. Во-первых, необходимо отделить текст собственно исторических преданий от интерпретаций авторов «Материалов». Во-вторых, мы отделяем легендарные исторические предания от мемуаров – преданий, основанных на личных воспоминаниях информаторов. Каждый элемент структуры текста отражает информацию, соответствующую определенному историческому периоду, и особенности, характерные для восприятия действительности информатором, фиксатором и интерпретатором текстов преданий.

Реконструкция исторической памяти казахов диктует применение историко-сравнительного метода при сравнении преданий, зафиксированных в «Материалах», с преданиями, зафиксированными в других источниках, в частности в трудах А. Левшина, Г. Спасского, А. Красовского, Г. Потанина, Ч. Валиханова, Ш. Кудайбердыулы, К. Халида.

3. Обсуждение

«Материалы» не раз привлекались в качестве исторического источника, однако преимущественно они использовались при изучении социального и экономического развития Степного края в конце XIX – начале XX веков (Сулейменов, 1963; Галузо, 1965; Тольбеков, 1971). Практически все авторы этого периода говорили о слабой достоверности данных материалов, особенно в части статистического описания казахских хозяйств.

Собственно, сами «Материалы» в качестве исторического источника стали объектом изучения в диссертационном исследовании Т. Волковой в 1982 году (Волкова, 1982). Ею был получен ряд интересных результатов. Впервые проведя источниковедческий анализ «Материалов», в том числе с применением количественных методов, она приходит к выводу о высокой степени их достоверности в качестве источника. Т. Волкова отмечает, что «в количественном отношении достоверные показатели заметно преобладают над недостоверными. Это позволяет сделать вывод о достоверности большинства данных «Материалов» (Волкова, 1983: 236).

В настоящее время эта же проблема была поднята казахстанским исследователем Н. Тасиловой, предпринявшей комплексное исследование «Материалов» в качестве исторического источника. Она проанализировала общие источниковедческие проблемы, в том числе затронула и важную проблему достоверности «Материалов» в части отражения родоплеменной структуры казахов (Тасилова, 2017: 12). Указывая на определенную направленность данного источника, Н. Тасилова тем не менее отмечает большую степень достоверности информации этнографического и этногенетического характера, содержащейся в «Материалах».

Отметим, что исторические предания и реминисценции исторической памяти казахов, зафиксированные составителями «Материалов» в качестве самостоятельного объекта изучения, еще не рассматривались в исторической науке.

4. Результаты

Всю информацию, данную казахами о своем историческом прошлом составителям «Материалов», можно условно разделить на три группы: 1) о времени заселения территории, в годах или поколениях; 2) об эпонимических предках отдельных групп казахов; 3) об исторических событиях, связанных с процессом освоения отдельными группами казахов определенных территорий. Сведения об исторических событиях, связанных с процессом освоения отдельными группами казахов определенных территорий, включены в «Материалы» в качестве иллюстрации общего исторического процесса на изучаемой территории, объяснения сложившейся к моменту исследования этноконфессиональной ситуации.

По жанру исторические предания, зафиксированные в «Материалах», можно отнести к прозаическим эпическим произведениям. Следует отметить, что они записаны в крайне лаконичной форме. Это объясняется тем, что интерес представляли не сами предания как таковые, а лишь сведения, содержащиеся в них. Из всех легенд и рассказов казахов выделялись и фиксировались лишь сведения о том, когда была занята та или иная территория. Причем фактом занятия территории составители «Материалов» считали факт основания постоянной зимовки. Так, описывая процесс заселения Атбасарского уезда на основании устных преданий казахов, авторы МКЗ отмечают, что «по преданиям киргиз заселение уезда произошло сравнительно недавно, не раньше начала XIX века или последних годов XVIII столетия», отмечая далее, что ранее эти земли служили «летним

пастбищем как для киргиз, приходивших с юга из-за р. Чу, так и для киргиз из более северных местностей, главным образом из южной части нынешнего Кокчетавского уезда» (МКЗ, 1902: 2).

Однако при составлении поаульных таблиц, для которых информаторы сообщали членам экспедиции время существования зимовок, выявляется совсем другая информация. Так, казахи трех аулов 5-го административного аула Атбасарской волости Атбасарского уезда (род каксал) считали, что их предки заняли зимовки, на которых они размещаются, 300 лет назад, т.е. в конце XVI века (МКЗ, 1902: 21).

Значительное место в «Материалах» занимает пересказ преданий, фиксировавших народное представление о времени заселения определенных территорий. Приведем предание, записанное Ф. Щербиной у казахов Кокчетавской волости 21–23 июня 1896 года на летовках на урочищах Балга и Саумал-кум: «С именем Кыргыза соединено указание на человека, попавшего в плен или присоединившегося к киргизам – «казак», как они сами себя называют, из враждебной народности. От Кыргыза произошел потом особый род, названный его именем. <...> Султан Аблай был будто бы современником Кыргыза. По преданию султан этот принадлежал не к киргизской народности (казак), а какой-то другой, сделался потом киргизским султаном вследствие своих личных доблестей, и когда об этом узнал Кыргыз, то явился к Аблаю и присоединился к нему, вероятно, в качестве подданного. Вероятно также, Кыргыз был недоволен теми властями, под управлением которых находились его соплеменники.

По рассказам киргизов Кокчетавской волости, у них есть предание, что предки их когда-то кочевали в Средней Азии, где-то возле Бухары. В занимаемой ими местности было очень тесно, на наличное население приходилось мало пастбищных угодий, и между раздробленными частями всего киргизского народа, не имевшего одного крепкого правителя, происходили беспрестанные раздоры и столкновения из-за земли. Предки нынешних киргизов в это время услышали, что очень есть могущественный Русский царь и что в принадлежащей ему Западной Сибири много свободной земли. Недовольные своим положением киргизы порешили поэтому, идти к русскому царю искать мира, земли и спокойствия. В то время Кокчетавский уезд был необитаем и собственно Кокчетавские киргизы основались здесь под управлением Аблая, а первым местом, на котором осели выселившиеся из Средней Азии киргизы, была нынешняя Кокчетавская станция с принадлежащими ей землями.

О самом Аблае существует предание, что он был сыном какого-то царя, жившего в Средней Азии и властвовавшего будто бы над сартами. У царя этого было две жены: старшая, имевшая двух сыновей, и младшая, имевшая только одного сына Аблая. Несмотря на старшинство двух первых сыновей, народ желал иметь царем Аблая. Это было не по душе старшим братьям, и они решили погубить его. Аблай, однако, бежал к киргизам и сделался у них ханом. Аблай был могущественным властелином, и ему подчинялись все киргизы, т.е. Большой, Малой и Средней Орды. У нынешней Кокчетавской станции поселились собственно одни предки нынешнего киргизского населения, расположенного в Кокчетавской волости» (МКЗ, 1898: 3-4).

Данное предание объединяет два относительно самостоятельных сюжета – о приходе к власти Абылай-хана и об эпонимическом предке родовых групп байкыргыз и жанакыргыз. Легенда об Абылае, записанная авторами «Материалов», имеет мало общего с реальными историческими событиями, известными по целому ряду письменных источников и устному народному творчеству казахов (Абсадыков, 2005). Отдельные сюжетные линии, в частности происхождение от некоего среднеазиатского (сарского) правителя, преследование со стороны родственников, бегство в степь и последующее возвышение, сближают данную легенду с легендой о прародителе казахов Алаша-хане. Разные ее варианты записаны А. Левшиным, Г. Спасским, А. Броневским, Г. Потаниным и Ч. Валихановым (Левшин, 1996; Валиханов, 1983; Броневский, 1830; Потанин, 1916). Очевидно, информатор авторов «Материалов» смешал сюжеты различных легенд о правителях казахов и приписал традиционные сюжеты, относимые к жизнеописанию Алаша-хана, более позднему Абылай-хану.

Предание о кыргызах в составе кокчетавских казахов говорит о добровольном переселении их предка к границам России вследствие недовольства своими правителями. Однако исторические факты говорят о принудительном характере данных миграций. По словам Ч. Валиханова, Абылай при очередном столкновении с алтаускими кыргызами «вывез в свою орду несколько сот джесьрей (пленников); эти буруты (кыргызы – Авт.), кочуя вместе с атыгаевским родом Средней орды племени аргын, постепенно сливались и теперь составляют отделение этого рода под именем яна-киргиз и бай-киргиз и для получения генеалогического права братства родов производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев) (Валиханов, 1983: 153-154). Потомки казахов рода байкыргыз до сих пор проживают в данной местности, на территории современного Зерендинского района Акмолинской области Республики Казахстан и сохраняют память о своем кыргызском происхождении (Абиль и др., 2020).

Кроме того, некоторые детали легенды, в частности топонимы, нехарактерные для традиционных исторических воззрений казахов (Западная Сибирь, Кокчетавская станция, Средняя Азия), позволяют утверждать, что записанное предание не аутентичное и в значительной мере переработано фиксатором или редактором «Материалов».

В целом следует отметить, что данные предания выходят за рамки традиционных легенд, известных по записям исследователей, изучавших фольклор и устную историческую традицию казахов. Остается открытым вопрос, является ли это отражением факта наличия какой-то независимой легендарной традиции у кокчетавских казахов или это недостатки процедуры фиксации, отмеченные самими исследователями. В частности, авторы отмечали, что «... серьезное неудобство, в сильнейшей степени тормозившее исследования, заключалось в необходимости опросов киргизского населения через переводчиков. Незнание языка и опрос через третье посредствующее лицо требовали вдвое большей затраты времени, чем непосредственный опрос. Так называемые киргизские «почтари», т.е. рассыльные-полицейские, служащие переводчиками при передвижениях с места на место, народ мало надежный, могущий давать совершенно искаженные сведения» (МКЗ, 1898: 4).

Исследователи Кокчетавского уезда зафиксировали очень интересное предание, отражающее не столько генеалогические, сколько этногенетические и этнокультурные представления казахов. Казахи Мизгильской волости сообщили следующее: «В 5 административном ауле рассказывали, что заселение степей киргизами началось вскоре после смерти Магомета, т.е. момент заселения относится, следовательно, к 7 веку. О своих самых отдаленных предках сообщают, что все киргизы ведут свое начало от Узбека, у которого было четыре сына: Козак, Калмык, Естек и Ногай. От Ногая произошли татары, от Козака – киргизы» (МКЗ, 1898: 27).

Казахи, согласно этой легенде, являются потомками Казака, татары – Ногая. О потомках Калмыка и Естека в исследовании не упоминается, однако из контекста очевидно, что речь идет о калмыках и башкирах. Данная легенда, точнее лаконичный пересказ исторического предания, имеет параллели в письменной историографической традиции казахов. В опубликованных в конце XIX – начале XX веков работах, начиная с К. Халида и Ш. Кудайбердыулы, авторы связывают происхождение казахов с населением Золотой Орды. Так, автор «Пяти историй» К. Халид считает средневековых узбеков Улуг Улуса (Золотой Орды) собственно казахами, указывая, что «нас Озбек хан сделал мусульманами, наши предки – озбеки, мы из потомства Озбека» (Халид, 1992: 223). Шакарим также в своей «Родословной» отмечает, что «все, кто был в улусе его (Узбек-хана – Авт.), и предки наши стали называться озбеками» (Кудайбердыулы, 1990: 41).

Таким образом, мы можем предположить, что у казахов было представление о единстве степных коневодов Евразии, их связи с населением Золотой Орды (Узбек), что отражено в бытовавших в северных районах Казахстана преданиях о происхождении казахов и других народов степной Евразии от мифического Узбека.

Информация о времени заселения определенных территорий казахскими общинами в «Материалах» содержится как в самом тексте, так и в т.н. «поаульных таблицах», являвшихся приложением к «Материалам». Наряду с официальным номером аула, в них приводились сведения об имени аксакала, т.е. руководителя общины, о последнем зафиксированном эпонимическом предке, времени основания/заселения зимовки. Информация об эпонимических предках каждого казахского аула также зафиксирована в поаульных таблицах. Кроме того, в целях удобства ориентирования в достаточно сложной клановой иерархии казахов в каждом томе приведены генеалогические схемы казахских родов с включением в них основных информаторов.

Так, согласно этим данным, 9 аулов 4-го административного аула Кокчетавской волости обосновались на своих зимовках 250 лет назад, т.е. в середине XVII века. Это потомки Боранбая, Майлыбая и Байдыкола (МКЗ, 1898: 14-15). Население одного аула Котуркульской волости (потомки Ельтока) и одного аула Аиртауской волости сообщили членам экспедиции, что их предки занимают свои зимовки на протяжении 10 поколений, т.е. более 250 лет (МКЗ, 1898: 80-81, 159). Четыре аула 5-го административного аула Джиландинской волости (потомки Мусакула и Тарагая) также считали, что их предки заняли свои современные кочевья 10 поколений назад, т.е. примерно в середине XVII века. 29 аулов (потомки Джанмирзы) Мизгильской волости вели отсчет возникновения зимовок, которые они занимали, примерно с 1620 года (280 лет до времени жизни информатора) (МКЗ, 1898: 237).

Составители «Материалов» обращали пристальное внимание на составление родословных схем и фиксацию различных легенд и исторических преданий, рассказывающих обстоятельства появления различных групп кочевников в местах их расселения на момент исследования. При составлении тома, посвященного анализу хозяйств Омского уезда, со слов жителя Омской волости Булхаира Турлыбек-абыза, было записано предание о происхождении рода Атыгай. Предание говорит о сложном составе рода, так как Атыгай назван сиротой, которому хан Есим (конец XVI – начало XVII веков) отдал под управление 12 родов: баба, багыс, майлы, балта, бабасан, кудайберди-баимбет, суюндик-кара, аккиик, койлыатыгай, кулансу, кадыр и собственно атыгай (МКЗ, 1902а: 45).

Там же приведено предание казахов племени Керей о том, что их предки ездили в Туркестан и просили у хана Тауке правителя. Последний направил им 10-летнего Жанибек-султана. Учитывая, что Тауке правил в 1690–1715 годах, данный факт мог иметь место в начале XVIII века (МКЗ, 1902а: 46).

Информаторы привели легенды о происхождении кереев Омского уезда от братьев Есемберды и Есембакты, внуков Аксары. Конфликт между братьями привел к тому, что старший брат откочевал с прежних мест жительства на Иртыш, в урочище Кентубек, а затем и в район озера Улкен Карой.

Основав здесь зимовки, казахи этого рода летовали севернее, на территории Тюкалинского уезда (МКЗ, 1902а: 24).

Согласно историческим преданиям казахов Омского уезда, предок аргынов Мейрам жил в середине XVI века, так как от времени информаторов прошло около 350 лет или 13–14 поколений. Его кочевья занимали степи между Иртышом, Ишимом и Нурой (МКЗ, 1907: 87). Казахи Черлаковской волости рассказали членам экспедиции, что их предков в начале XVIII века привел на Иртыш батыр Кошкарбай, служивший Абылай-хану. Согласно преданию, Кошкарбай занял южные районы Омского уезда, изгнав живших там джунгаров и остяков (МКЗ, 1902а: 25).

Изучение «Материалов» позволяет проследить представления самих казахов о процессе заселения ими определенной территории. Так, казахи Акмолинской области считали, что их зимовки основаны на протяжении XVII–XVIII веков, причем основали их как местные насельники, так и выходцы из более южных и более северных регионов. Общины родов карпык и каракыргыз сообщили статистикам, что их предки поселились у р. Нура около первой трети XVII века, за 260 лет до времени опроса (МКЗ, 1907: 87). В конце XVII века по верхнему и нижнему течению Нуры размещаются общины родов куандык, а в Ерементавских горах – канжигалы (МКЗ, 1907: 87–88). В XVIII веке с занятием долины Иртыша Россией кочевавшие там общины кереев частично перемещаются на юго-запад, в Акмолинский уезд, заняв там «все лесистые горы и вообще леса, а также скалистые берега р. Селеты» (МКЗ, 1907: 89). Казахи рода канжигалы в начале XVIII века прикочевали на территорию Акмолинского уезда с территории Омского (МКЗ, 1907: 88).

Казахи Кустанайского уезда также говорили информаторам о раннем основании занимаемых ими зимовок. 1 аул Мендыгаринской волости, 2 аула Джилкуарской волости, 7 аулов Кинаральской волости и 12 аулов Саройской волости были основаны за 10 поколений от информаторов, т.е. 250 лет назад – в середине XVII века; 5 аулов Саройской волости – 11 поколений, т.е. 275 лет назад, в первой трети XVII века; 2 аула Кинаральской волости – 12 поколений, т.е. 300 лет назад, в начале 17 века (МКЗ, 1903: 18, 22, 170, 178). Зимовка Бапансай Кинаральской волости, по словам ее насельников, была основана 13 поколений назад, т.е. 325 лет назад, около 1575 года (МКЗ, 1903: 26). Казахи Мендыгаринской волости рассказывали информаторам о том, что они населяют эти земли не более 100 лет, но «некогда кочевали близ г. Верхнеуральска на урочище Кумсойган-карасу», откуда были вытеснены калмыками (МКЗ, 1903: 48). Учитывая то, что миграции калмыков из Прииртышья в зауральские степи и Западный Казахстан имели место в начале XVII века, можно предположить, что казахи Мендыгаринской волости считали, что они мигрировали из Зауралья в Северный Казахстан примерно в это время.

Большая часть зимовок, по сведениям самих казахов, была основана в более позднее время, в основном в течение XIX века, однако в значительной мере это было результатом не миграций, а сегментации ранее возникших аулов.

Мы видим, что в исторической памяти казахов они являются автохтонами земель Северного Казахстана, занимая населяемые ими степи Северного Казахстана. Вместе с тем отметим, что эти представления казахов несколько расходятся с данными письменных источников. Большинство доступных сегодня источников говорит о появлении групп с названием «казак» (Казачья Орда) на территории Северного Казахстана не ранее конца XVII века. Этот момент в свое время отмечал Г. Катанаев, который писал: «Не подлежащими никакому сомнению историческими данными теперь точно выяснено, что земли, занимаемые ныне сибирскими казакими по Иртышской, Горькой и Пресногорьковской линиям, ко времени прихода сюда русских в начале XVII и даже первой половине XVIII столетия еще не были заняты киргизами. Вся северная часть нынешних Тургайской и Акмолинской областей и вся, без исключения, Семипалатинская область представляли собой в то время или совершенную пустыню, или только частью были заняты... джунгарскими калмыками» (Катанаев, 1904: 1).

Вместе с тем исторические предания казахов, зафиксированные другими исследователями, позволяют разрешить данное противоречие и коррелируют с преданиями, зафиксированными в «Материалах». Прежде всего отметим Г. Спасского, издававшего с 1818 по 1824 годы «Сибирский вестник». В 1820 году им был опубликован очерк «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды». Именно здесь Г. Спасский первым в российской историографии обращает внимание на казахские исторические предания, выводящие казахов из сибирских татар. «Долго составляли они с алатами (сибирскими татарами, возможно «алаш» – Авт.) один народ, наконец по внутренним несогласиям отделились от них и были управляемы султанами, один из которых, по имени Алача, получил верховную власть над ними...» (Спасский, 1820: 74–75).

М. Красовский, основываясь на исторических преданиях казахов, считал население северных волостей Области сибирских казахов потомками сибирских татар. В частности, он отмечал, что в Кокчетавском округе и «вообще в северных местностях области сибирских киргизов, в число которых вошло немалое число сибирских татар, ... сказка о происхождении киргиз-кайсаков ... изменяется: Алача-ханом здесь называют одного из султанов сибирских татар» (Красовский, 1868: 332).

Предположим, что в письменных источниках, фиксирующих позднее (не ранее конца XVII века) появление казахов на территории Северного Казахстана, речь идет о политониме «казак»,

кочевниках, входивших в систему Казахского ханства, границы которого распространились до сибирских пределов Московского государства действительно в последней четверти XVII века. Однако местное тюркоязычное население, входившее в состав других политических объединений и маркировавшееся источниками как «ногаи» и «татары», в основном осталось на прежних местах и вошло в состав казахов, сохранив историческую память, оформленную в исторических преданиях и зафиксированную в XIX – начале XX веков российскими исследователями, в том числе составителями «Материалов по киргизскому землепользованию».

5. Заключение

Ряд особенностей записей исторических преданий казахов, зафиксированных в «Материалах», не позволяет нам в полном объеме анализировать их как самостоятельное фольклорное произведение. Во-первых, записи текстов исторических преданий не являются аутентичными, их записывали при посредстве переводчиков, сокращали и редактировали сведения, содержащиеся в них. Во-вторых, при фиксации исторических преданий исследователи, не являющиеся филологами или историками, пытались интерпретировать сведения, соотнося их с известными на тот момент историческими знаниями.

Мы видим, что исторические предания казахов, зафиксированные авторами «Материалов», коррелируются с преданиями, зафиксированными в трудах А. Левшина, Г. Спасского, А. Красовского, Г. Потанина, Ч. Валиханова, Ш. Кудайбердыулы, К. Халида, и говорят о раннем заселении частью казахских общин территории Северного Казахстана – от XIV до XVI веков. При этом данные исторических преданий противоречат части письменных источников, говорящих о появлении казахов на границах российских владений в Западной Сибири не ранее конца XVII века. Указанное противоречие разрешимо, если принять во внимание, что общины Северного Казахстана, заявившие о своем автохтонном происхождении, не входили в XV–XVI веках в состав Казахского ханства и соответственно не фигурировали в источниках под политонимом «казак». Они выступали под другими собирательными названиями – «ногай», «сибирские татары» и пр. и вошли в состав «казахов» в течение XVII века.

В целом «Материалы по киргизскому землепользованию» являются важным и информативным источником не только по социально-экономической истории казахского общества рубежа XIX–XX веков, но и содержат интересные данные по традиционной исторической памяти казахов, позволяя нам создавать модели этнической и политической истории степной Евразии в XV–XIX веках.

6. Благодарности

Данное исследование реализуется в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № АР08856598).

Литература

Абиль и др., 2020 – *Абиль Е.А., Исин А.И., Калимбаева Б.К. и др.* Инкорпорированные и внеузловые группы в составе казахов (XVIII – начало XX вв.): Коллективная монография. Алматы: Изд-во ИП «Базарбаев», 2020.

Абсадыков, 2005 – *Абсадыков А.* Биография Хана Абылая: мифы и реальность. Астана: Фолиант, 2005.

Алтысбес, 2013 – *Алтысбес М.А.* Шежире казахов: источники и традиции. Астана: ИП «BG-Print», 2013.

Броневский, 1830 – *Броневский А.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 41, март, № 19.

Валиханов, 1983 – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1983.

Волкова, 1983 – *Волкова Т.* Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиций Ф.А. Щербины // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 224–237.

Галузо, 1965 – *Галузо П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965.

Красовский, 1868 – *Красовский Н.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 1. СПб., 1868.

Кудайбердиулы, 1990 – *Кудайбердиулы Ш.* Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Перевод Б. Каирбекова. Алма-Ата: СП Дастан, 1990.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

МКЗ, 1898 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Т. I. Воронеж, 1898.

МКЗ, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.

МКЗ, 1902a – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902.

МКЗ, 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.

МКЗ, 1907 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. 1. СПб., 1907.

Потанин, 1916 – *Потанин Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // *Живая старина*, II. Пг., 1916.

Рахимбекова, 2019 – *Рахимбекова А.* Историческая память и степная устная историология // *Историко-педагогические чтения*. 2019. № 23. С. 175-180.

Спасский, 1820 – *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*. Ч. 9. СПб., 1820.

Сулейменов, 1963 – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

Тасилова, 2017 – *Тасилова Н.А.* «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» как источник по истории Казахстана (конец XIX в. – начало XX в.). Алматы, 2017.

Тесленок, 2013 – *Тесленок С.А.* Материалы экспедиций Ф.А. Щербины и картографирование культурных ландшафтов староосвоенных районов // *ИнтерКарто/ИнтерГИС-19: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. Материалы междунар. конф. (Курск (Россия), Богота (Колумбия), 2–7 февраля 2013 г. Курск, 2013. С. 45-55.*

Толыбеков, 1971 – *Толыбеков С.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алматы: Издательство Наука Казахской ССР, 1971.

Халид, 1992 – *Халид К.* Тауарих хамса: (Бес тарих). Алматы: Казакстан, 1992.

References

Abil' i dr., 2020 – *Abil', E.A., Isin, A.I., Kalshibaeva, B.K. i dr.* (2020). Inkorporirovannye i vnezuzovye grupy v sostave kazahov (XVIII – nachalo XX vv.) [Incorporated and Extra-Juz groups within the Kazakhs (18th – early 20th centuries)]: kollektivnaya monografiya. Pod red. Smagulova B.K. Almaty; Izd-vo IP «Bazarbaeva». [in Russian]

Absadykov, 2005 – *Absadykov, A.* (2005). Biografiya Hana Abylaya: mify i real'nost' [Biography of Khan Abylai: myths and reality]. Astana: Foliant. [in Russian]

Alpysbes, 2013 – *Alpysbes, M.A.* (2013). Shezhire kazahov: istochniki i tradicii [Shezhire of the Kazakhs: Sources and Traditions]. Astana: IP «BG-Print». [in Russian]

Bronevskij, 1830 – *Bronevskij, A.* (1830). Zapiski o kirgiz-kajsakah Srednej Ordy [Notes on the Kirghiz-Kaysaks of the Middle Horde]. Otechestvennye zapiski. SPb, Ch. 41, mart, № 19. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo, P.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazahstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914.] Alma-Ata: Nauka. [in Russian]

Halid, 1992 – *Halid, K.* (1992). Tauarih hamsa: (Bes tarih) [Tauarikh Khamsa: (Five Chronicles)]. Almaty: Kazakstan. [in Kazakh]

Krasovskij, 1868 – *Krasovskij, N.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskih kirgizov [Materials for the Geography and Statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Region of the Kirghiz of Siberia]. Chast' 1. SPb. [in Russian]

Kudajberdiuly, 1990 – *Kudajberdiuly, Sh.* (1990). Rodoslovnaya tyurkov, kazahov, kirgizov. Dinastii hanov [Genealogy of the Turks, Kazakhs, and Kirghiz. Dynasties of the Khans]. Perevod B. Kairbekova. Alma-Ata: SP Dastan. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat. [in Russian]

MKZ, 1898 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Кокчетавский уезд [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition for the study of steppe areas. Akmolinskaya oblast. Kokchetav uyezd]. Т. I. Воронеж, 1898. [in Russian]

MKZ, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд [Materials on Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. II. Akmolinskaya oblast. Atbasarskiy uyezd]. Воронеж, 1902 [in Russian]

MKZ, 1902a – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. XI. Akmolinskaya oblast'. Omskij uezd. [Materials on the Kirghiz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. XI. Akmola oblast. Omsk uyezd]. Omsk, 1902. [in Russian]

MKZ, 1903 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. V. Turgajskaya oblast'. Kustanajskij uezd. [Materials on the Kirghiz land use, collected and developed by the expedition on the study of the steppe regions. Vol. V. Turgay region. Kustanay uyezd]. Voronezh, 1903. [in Russian]

MKZ, 1907 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiej po issledovaniyu stepnyh oblastej. T. III. Akmolinskaya oblast'. Akmolinskij uezd. [Materials on the Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition for the study of the steppe regions. VOL. III. Akmola oblast. Akmola uyezd]. Ch.1. SPb., 1907. [in Russian]

Potantin, 1916 – *Potantin, G.N.* (1916). Kazak-kirgizskie i altajskie predaniya, legendy i skazki [Kazak-Kyrgyz and Altai legends, legends, and tales]. *Zhivaya starina*. II. SPb., 1916, Pg., 1917 [in Russian]

Rahimbekova, 2019 – *Rahimbekova, A.* (2019). Istoricheskaya pamyat' i stepnaya ustnaya istoriologiya [Historical Memory and Steppe Oral Historiology]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 23: 175-180. [in Russian]

Spasskij, 1820 – *Spasskij, G.* (1820). Kirgiz-kajsaki Bol'shoj, Srednej i Maloj ordy [The Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle, and Small Horde]. *Sibirskij vestnik*. Ch. 9. SPb. [in Russian]

Sulejmenov, 1963 – *Sulejmenov, B.* (1963). Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti XIX – nachala XX v. (1867 – 1907 gg.) [The Agrarian Question in Kazakhstan in the Last Third of the 19th – the beginning of the 20th century. (1867 – 1907)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. [in Russian]

Tasilova, 2017 – *Tasilova, N.A.* (2017). “Materialy po kirgizskomu (kazahskomu) zemlepol'zovaniyu...” – kak istochnik po istorii Kazahstana (konec XIX v. – nachalo XX v.). [“Materials on the Kyrgyz (Kazakh) Land Use...” – as a source on the history of Kazakhstan (late 19th century – early 20th century)]. Almaty. [in Russian]

Teslenok, 2013 – *Teslenok, S.A.* (2013). Materialy ekspeditsij F. A. Shcherbiny i kartografirovanie kul'turnyh landshaftov staroosvoennyh rajonov [Materials of the expeditions of F.A. Scherbina and mapping of cultural landscapes of old-developed areas]. *InterKarto/InterGIS-19: Ustojchivoje razvitie territorij: teoriya GIS i prakticheskij opyt*. Materialy mezhdunar. konf. (Kursk (Rossiya), Bogota (Kolumbiya)), 2–7 fevralya 2013 g. Kursk, pp. 45-55. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov, S.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka: politiko-ekonomicheskij analiz [Nomadic Society of the Kazakhs in the 17th – early 20th century: political and economic analysis]. Almaty: Izdatel'stvo Nauka Kazahskoj SSR. [in Russian]

Valihanov, 1983 – *Valihanov, Ch.Ch.* (1983). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected Works in Five Volumes], T.2. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii. [in Russian]

Volkova, 1983 – *Volkova, T.* (1983). Nekotorye problemy istochnikovedcheskogo izucheniya materialov ekspeditsij F.A.Shcherbiny [Some Problems of Source Studies of the Materials of F.A. Scherbina's Expeditions]. *Voprosy istoriografii Kazahstana*. Alma-Ata. Pp. 224-237. [in Russian]

Материалы по киргизскому землепользованию» как источник по изучению исторической памяти казахов Северного Казахстана

Еркин Аманжолулы Абиля ^{a, *}, Аманжол Кузембайулы ^b

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Республика Казахстан

Аннотация. Результатом статистического и экономического обследования Казахстана в конце XIX – начале XX веков стало издание «Материалов по киргизскому землепользованию». Это многотомное издание содержит, помимо собственно статистической информации, записи исторических преданий казахов о времени их поселения на определенных территориях. Эти предания могут быть использованы для реконструкции традиционной исторической памяти казахов.

Исторические предания казахов, записанные авторами «Материалов», коррелируют с преданиями, зафиксированными в работах других исследователей, и говорят о раннем заселении некоторыми казахскими общинами территории Северного Казахстана – с XIV по XVI века. В то же время эти исторические предания противоречат некоторым письменным источникам, фиксирующим появление казахов на границах российских владений в Западной Сибири не ранее конца XVII века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yerkinabil@gmail.com (Е.А. Абиля), topai240345@mail.ru (А. Кузембайулы)

Это противоречие разрешимо, если учесть, что казахские общины Северного Казахстана, заявившие о своем автохтонном происхождении, в XV–XVI веках не входили в состав Казахского ханства и, соответственно, не фигурировали в источниках под многозначным названием «казах». Они выступали под другими собирательными названиями – «ногайцы», «сибирские татары» и т.д. и вошли в состав «казахов» в XVII веке.

«Материалы по киргизскому землепользованию» являются важным и информативным источником не только по социально-экономической истории казахского общества рубежа XIX–XX веков, но и содержат интересные данные по традиционной исторической памяти казахов, позволяя нам создавать модели этнической и политической истории степной Евразии в XV–XIX веках.

Ключевые слова: статистические экспедиции, историческая память, предания, Северный Казахстан, этническая история, генеалогия.